

“он никуда не рвался и не требовал наград”

Сегодня в Москве состоятся похороны Николая Волкова. О судьбе выдающегося актера корреспонденту Газеты Наталья Кочетковой рассказала его друг и многолетний партнер по культовым спектаклям Анатолия Эфроса Ольга Яковлева.

Вы помните, как вы познакомились?

Мы встретились в 1958 году, были абитуриентами Щукинского училища. Коля был старше, к тому времени он уже окончил художественное училище в Одессе, и мы его так и называли — Художник. С юности Коля был каким-то «отдельным» человеком. Индивидуальны все, он же был такой... индивидуально-штучный. Ни на кого не похож. В нем была особая художественная интеллигентность. Он никогда не был прямолинейным, напротив, художественно парадоксальным, непредсказуемым. От него нельзя было ждать ни агрессии, ни проявления злобы. Это был какой-то интеллигентский сплав. Ему была несвойственна показуха. В нем не было ничего наносного. Он был естественным, каким положено быть нормальному интеллигентному человеку.

Как началось ваше общение?

Сначала это были какие-то отрывки, мы стали партнерами уже в студии, сделали два или три дипломных спектакля вместе. Он был моим партнером в пьесе «Трехминутный разговор» Левидовой, потом — в «Тени» Шварца, где играл ученого. Поскольку Коля был постарше, то и общения как такового не происходило. Это потом, много позже, я узнала, что он мне... симпатизирует, что ли. А так это была обычная студенческая жизнь, в которой Коля занимал свое уникальное место. Помню, что французскому языку он не очень хотел учиться и в танцах не слишком усердствовал — заменял это занятиями фехтованием. Колю все любили за художественную натуру — и были к нему снисходительны.

То, что он был из театральной семьи, как-то чувствовалось?

На курсе многие были из театральных семей: дочь Лепко, сын Мироновой, племянник Дорлеак, сыновья Флиера, Каширина. Эти студенты были самыми скромными. Андрюше Миронову мама давала деньги на булочку. Проходил все студенческие годы в одном костюме, потому что родители воспитывали его строго, как и Вику Лепко. Только пустившись в самостоятельную жизнь, они перестали зависеть от родителей. Коля же вообще не москвич — одессит, он был «вольным художником», жил в общестии, у него были старшие друзья.

Как к нему относились в театре?

Колю любили и в театре на Малой Бронной, и Анатолий Васильевич Эфрос. Все даже немного подшучивали над тем, что его любимый актер сыграл Дон Жуана при такой вот мягкотелости, цивилистности, вальяжной художественности. Его сложно было пред-

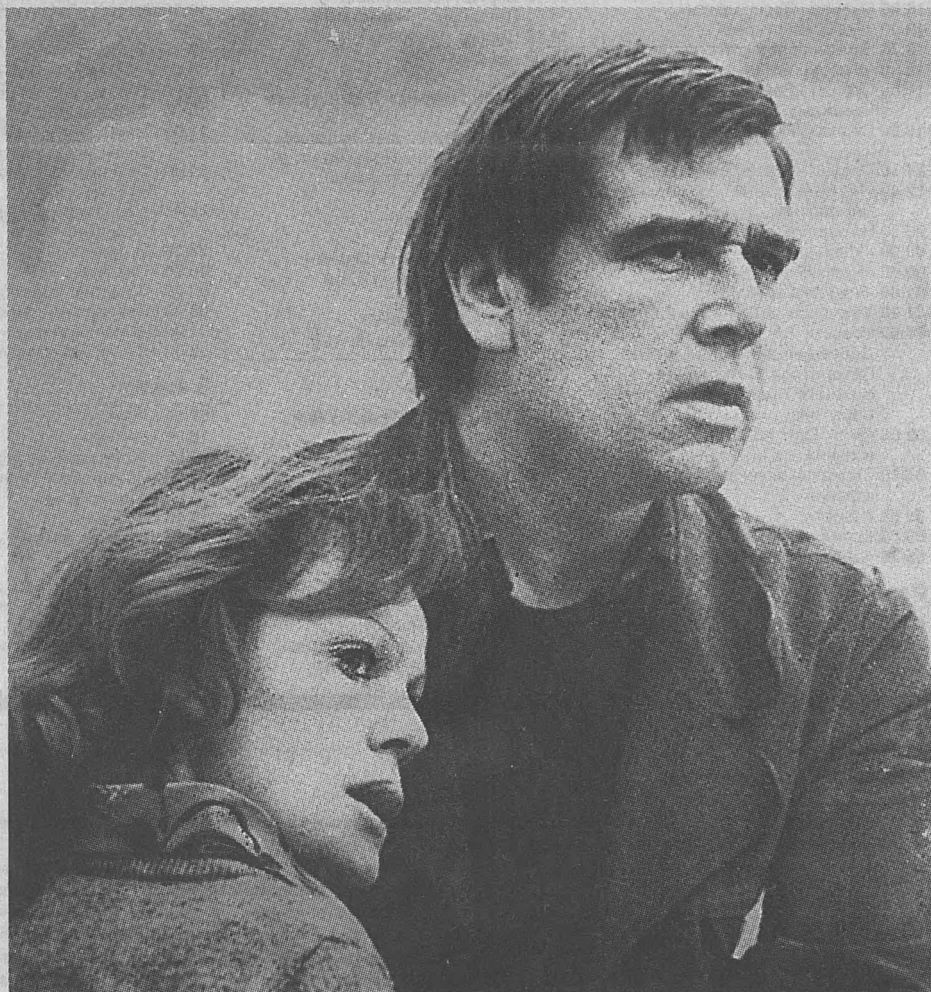
с Тарковским, Хуциевым, это бы, наверное, произошло. Потом, Коля был всегда обременен вопросами заработка, поэтому, возможно, соглашался в кино на то, что не приносило ему успеха. Надо было кормить семью. Он был очень хорошим сыном. Когда я приглашала его на день рождения, он не приходил, потому что в этот день был день рождения его мамы. Домами мы не дружили, но была какая-то родственность духа. С ним было легко благодаря его снисходительному отношению ко мне. Я всегда знала, что Коля может понять и простить.

А в каких ролях, по-вашему, наиболее полно раскрылся талант Николая Волкова?

Он замечательно играл Вершинина, была безусловная художественная удача в «Женитьбе». Открытием режиссера Эфроса и актера Волкова было прочтение «Отелло». Смысл их совместной работы — в определении, в чем, собственно, изъян Отелло. Он мавр, значит, не такой, как все. Значит, чужой, чужеродный. Он уязвлен, у него комплексы, следовательно, он негармоничен. Поскольку Коля по складу человек скорее штатский, чем военный, то и эта его особенность наложила отпечаток на трактовке роли Отелло. Он книжник, книгой, образованный мавр. Иной во всем: в том, что он не солдафон, в том, что интеллигентен. Из-за этих изъяна и дисгармонии он и поверил не Дездемоне, а Яго. При том что многие Колины роли стали художественным открытием, он никуда не рвался, не требовал наград. Он их и не получал, что очень странно. Коля не был самовлюбленным и самолюбивым, как большинство актеров. За это я любила и за это же иногда и поругивала, а он улыбался. Он не рвался быть лучшим, хотя я не могу сказать, что он был прост. В нем жили и обиды, что судьба складывалась так, а не иначе.

На что, например, он мог обидеться?

На то, что у него не было особенных наград, не было пышных юбилеев. Только недавно он был удостоен премии фестиваля «Киношок» за фильм Мельникова «Луной был полон сад». И это при том, что вокруг полно шелухи, тех, кто имеет награды, ордена, медали, дачи, особняки и прочее. Он очень любил семью, детей, и я думаю, что в этом он был счастлив. Но обиды у него случались, как он ни скрывал это. Профессия такова, что требует ответного хода от зрителей, властей. У него был шестидесятилетний юбилей, но его ничем не наградили. И это тоже обижало.



Николай Волков и Ольга Яковлева на репетиции «Отелло» в постановке Анатолия Эфроса (1978)

ставить в этой роли. Коля играл Отелло опять же при такой мягкости его и, казалось бы, отсутствии яркого темперамента. Играл Вершинина в «Трех сестрах», во многих спектаклях Гончарова, до того как мы пришли на Малую Бронную. В «Наполеоне Первом» Эфроса он играл Тайлера. Коля был занят почти во всех постановках Эфроса, был непременной частью эфросовского театра: сыграл в «Лете и дыме» по Уильямсу, не говоря о том, как на его индивидуальность легла «Женитьба», где он играл Подколесина. Почти каждый год Коля играл какую-то звездную роль, которая имела общественный резонанс в театральной Москве. Работать с Колей было радостно. Мы как-то попали на радио — читали повесть западного писателя. А поскольку уже научились понимать друг друга, то так легко это прочли, как будто перебрасывались мячиком для пинг-понга. Это доставило удовольствие не только режиссеру, который нас сразу записал, но и нам самим. Мы так хотели что-то сделать вместе, и это что-то намечалось, но, как всегда, не сложилось.

Существует мнение, что, имея исключительный дар, Николай Волков не до конца реализовал себя в кино, притом что на его счету очень много ролей.

Ну, про кино я мало что могу рассказать. Это все вопросы попадания, случая, наличия режиссера, который тебе случается. Что этот режиссер предлагает, какую роль. Для Колиной индивидуальности такого режиссера не нашлось. Ведь нужно, чтобы выходило ярко, неординарно. Если бы он работал

Так получилось, что Коля много играл на Малой Бронной. А когда пришел Эфрос, Коля стал его любимым актером, хотя тогда же пришел и Александр Ширвиндт, которого он очень любил, и позже — Валентин Гафт. Мне казалось, что Коля очень соответствовал этому режиссеру. А когда ушел к Гончарову, у того были свои актеры на первые роли: и Джигарханян, и Лазарев — и Коля оставался в стороне. Мечтал он сыграть дядю Ваню, но так и не сыграл. Не поставил пьесу в Щукинском со своими студентами. Недавно он очень хорошо сыграл у начинающего режиссера Димы Крымова отца Гамлета и одновременно — Клавдия. Но критика наша предвзята, и эта работа осталась за скобками. Сейчас они должны были начинать новую работу над «Королем Лиром», но... не сложилось. Каким бы Коля был королем Лиром, мы так и не узнаем. Лежа в больнице, собирался начать работу над «Домом, где разбиваются сердца», потом еще один молодой драматург написал для него пьесу в жанре комедии. Сейчас у него было бы много работы.

Судьба Коли в чем-то очень счастливая, потому что он сумел отчетливо выразить себя в профессии, что не каждому актеру удается. При этом он был еще и счастлив в собственной семье. С другой стороны, не много ему воздалось за его труд. Он сам ни на что не претендовал и трудно жил. Он редко отдыхал, хотя очень любил свою Одессу и море... Невозможно себе представить этот мир без Коли. Все становится бессмысленным и ненужным. Остается лишь какая-то вина перед этой судьбой.